

Белорусская политическая эмиграция в Западной Германии в начале Холодной войны (1945–1960)

Баринов Игорь Игоревич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Россия
E-mail: i.barinov@inslav.ru
ORCID: 0000-0003-0154-1506

Цитирование

Баринов И. И. Белорусская политическая эмиграция в Западной Германии в начале Холодной войны (1945–1960) // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 178–193. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.08

Статья поступила в редакцию 29.07.2025.

Рецензирование завершено 09.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье рассматривается деятельность белорусских политических эмигрантов на раннем этапе Холодной войны – сперва в союзнических оккупационных зонах, а затем в ФРГ. После окончания Второй мировой войны на территории Германии оказалась значительное количество «перемещенных лиц» белорусского происхождения. За влияние среди них боролись две политических силы – Белорусская Центральная рада (БЦР) и Рада Белорусской народной республики (БНР). Их главы – Радослав Островский и Николай Абрамчик – претендовали на координацию всей белорусской эмиграции на Западе. В годы войны активисты обеих организаций так или иначе сотрудничали с нацистами и в изменившихся условиях стремились вписать себя в новую антикоммунистическую повестку. Результаты этого соперничества оказались противоречивыми. С одной стороны, Рада БНР сыграла свою роль в организации белорусского подразделения Института по изучению СССР в Мюнхене, однако затем перешла скорее в подчиненную позицию по отношению к США. Вместе с тем руководство БЦР сумело вписать свою деятельность в более широкий контекст, присоединившись к Антикоммунистическому блоку народов,

при этом сохранив за собой политическое представительство и собственные структуры в Западной Германии.

Ключевые слова

Холодная война, Западная Германия, перемещенные лица, белорусская эмиграция.

После окончания Второй мировой войны количество выходцев из Советского Союза, оказавшихся в западных зонах оккупации Германии, насчитывало миллионы людей. В основном это были бывшие военнопленные и «перемещенные лица» (принудительно вывезенные или добровольно выехавшие на территорию рейха) самых разных национальностей, в том числе белорусы. Оценка общего числа представителей этой группы в наши дни вызывает серьезные затруднения. По прошествии лет неясно, идет ли речь об уроженцах БССР, менявшей свои границы между 1921 и 1939 гг., генерального округа «Белоруссия» времен оккупации, не совпадавшего с территорией довоенной республики, или этнических белорусах. Из-за этого разброс в цифрах получается довольно значительным. Так, по данным Белорусской Центральной рады (БЦР), организованной немцами на оккупированной территории, в конце 1944 г. в рейхе находилось 700 тыс. белорусов, включая остарбайтеров, военнопленных польской и Красной армий, беженцев и эвакуированных. Сведения СНК БССР на конец 1945 г. свидетельствуют о 400 тыс. угнанных, из которых возвратилось около 125 тыс. человек¹. Согласно данным очевидца из числа «перемещенных лиц», в зонах союзнической оккупации после конца войны находилось до 300–400 тыс. белорусов². По оценке Белорусского национального центра (БНЦ) в Регенсбурге, в 1947 г. в Западной Германии находилось от 75 до 100 тыс. белорусских невозвращенцев³. Все перечисленные цифры представляются завышенными, однако речь, несомненно, шла о десятках тысяч человек.

Белорусы были рассредоточены во множестве лагерей. Больше всего их было в Остергофене, Розенхайме и Михельсдорфе (на

1 Белорусские остарбайтеры. Т. 2. Минск, 1997. С. 360, 381.

2 Francis Skaryna Belarusian Library and Museum (Белорусская библиотека и музей Франциска Скорины в Лондоне). Белорусский рэзистанс [рукопись на русском языке, автор неизвестен]. Л. 7.

3 *Гардзіенка А.* Беларуская Цэнтральная Рада (БЦР): стварэнне, дзейнасць, заняпад, 1943–1995. Мінск, 2016. С. 179.

белорусский манер его называли «Михасёвка»), которые находились в американской зоне оккупации. Еще один лагерь, Ватенштет, располагался в британской оккупационной зоне. Между 1945 и 1950 гг. там происходила достаточно большая активность белорусской диаспоры: работали средние школы (гимназии имени Купалы и Богдановича), выпускалась, несмотря на запрет оккупационных властей, многочисленная периодика (по большей части недолговечная), шла культурно-просветительская работа⁴.

За умы и сердца этих людей развернулась нешуточная борьба двух белорусских политических сил – уже упоминавшейся БЦР и Рады Белорусской народной республики (БНР), действовавшей в изгнании еще с 1919 г. Все белорусские национальные активисты так или иначе ассоциировали себя с одной из этих структур. У каждой из них были свои сильные и слабые стороны. Лидер БЦР, математик Радослав Островский (1887–1976), одно время пользовался популярностью в межвоенной Польше как организатор образования на белорусском языке (в каждой белорусской школе висел его портрет). Островский противопоставлял себя Раде БНР, стремясь создать альтернативное политическое представительство. В годы нацистской оккупации Островский работал на немцев, сумев привлечь на свою сторону определенную часть белорусского сообщества. Тем не менее в глазах союзников (а также части белорусов) Островский, несмотря на его прошлые заслуги, выглядел прежде всего нацистским коллаборантом, что заметно ослабляло его позиции. Это заставило БЦР в сентябре 1945 г. приостановить свою деятельность⁵.

Лидирующие позиции в Раде БНР в это время занял экономист Николай Абрамчик (1903–1970). С довоенных лет он жил во Франции, во время войны так же, как и Островский, сотрудничал с нацистами, однако из-за внутреннего конфликта в среде белорусской эмиграции был вынужден вернуться в Париж. Впоследствии это позволило ему выступать в роли «антифашиста» и распространить этот статус на всю Раду, хотя ряд ее представителей были активными немецкими коллаборантами. Не в пользу Абрамчика играли два обстоятельства. С одной стороны, это касалось преемственности власти в Раде БНР. После смерти в марте 1943 г. в Праге главы Рады Василия Захарко

4 Подробнее об этом см.: *Вініцкі А.* Матар’ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гадох. Менск, 1994; *Кіпель В.* Жыць і дзеіць: успаміны. Мінск, 2015. С. 151–185.

5 *Гардзіенка А.* Беларуская Цэнтральная Рада (БЦР)... С. 184.

Абрамчик, получив в свои руки некоторые документы Рады, объявил себя его наследником. Данный акт был неоднозначно воспринят в белорусском политикуме и поднял вопрос о юридической правомочности действий Абрамчика. Кроме того, претендуя на роль президента БНР для белорусов Западной Германии – самой большой и активной на тот момент группы в Европе, – Абрамчик находился за ее пределами. Поскольку союзники если не запрещали, то заметно ограничивали политическую и издательскую деятельность эмигрантов, Абрамчик мог попасть в зоны оккупации лишь по транзитной визе, нечасто и на короткий срок, и участвовал в официальных мероприятиях как частное лицо⁶.

Тем не менее к концу 1947 г. Абрамчику удалось вытеснить из БНЦ почти всех сторонников Островского, кроме тех, кто выказал лояльность лидеру Рады БНР. Тогда же БНЦ переехал из Регенсбурга в Остергофен, располагавшийся там же, в Баварии. Здесь в ноябре 1947 г. начала выходить первая легальная белорусская газета – «Бацькаўшчына» («Отчизна»), а 29 декабря того же года, согласно документам, произошло официальное восстановление работы Рады БНР⁷. Как писал белорусский историк Олег Гордиенко, исследовавший деятельность БЦР, в основе раскола лежали скорее личные взаимоотношения и персональные амбиции лидеров, для остальных же он не имел непреодолимого характера⁸. Действительно, после упадка БЦР часть ее приверженцев перешли на сторону Рады, однако большинство сохранило верность своему лидеру. Антагонизм между двумя белорусскими организациями был настолько сильным, что их сторонники даже не заключали браки с представителями противоположного лагеря.

Стоит отметить, что Островский, несмотря на кажущееся поражение, тонко ощущал предстоящие перемены, связанные с усилением противоречий СССР и его бывших союзников. Фактически уступив Абрамчику лидерство в белорусском сообществе, Островский совершил своеобразный политический гамбит. Возобновив работу БЦР, ее лидер перевел своих соратников под эгиду Антибольшевистского блока народов (АБН) в Мюнхене. Эта зонтичная структура, основанная одним из лидеров украинских националистов Ярославом Стецько,

6 *Гардзіенка Н. С., Юрэвіч Л. Н.* Рада БНР, 1947–1970: падзеі, дакументы, асобы. Мінск, 2013. С. 10–15.

7 Там же. С. 16–17.

8 *Гардзіенка А.* Беларуская Цэнтральная Рада (БЦР)... С. 234–235.

объединяла ряд антикоммунистических эмигрантских организаций как из Советского Союза, так и из контролируемой им Восточной Европы. Участие в АБН отвечало сразу двум целям Островского – сохранению политической субъектности в роли «единственного законного представителя» белорусского народа и определенной реабилитации после сотрудничества с нацистами.

Момент для этого тоже был выбран неслучайно. Формирование ФРГ на основе западных оккупационных зон в мае 1949 г. и противопоставление ее просоветскому германскому государству – ГДР – означали привлечение к работе, помимо бывших гитлеровских чиновников и офицеров, широкой массы эмигрантских политиков в рамках общей антикоммунистической повестки. Расчет Островского оказался верным: Рада БНР собралась в Германии всего лишь один раз (8–9 октября 1949 г.)⁹. Постепенный отток белорусских активистов из Германии и формирование новых центров притяжения (прежде всего в Великобритании и США) не способствовал внутреннему единству Рады БНР. Абрамчику приходилось перемещаться между несколькими странами, чтобы координировать действия своих соратников.

Помимо этого, интерес американцев, главных союзников ФРГ, к изучению национальных движений среди эмигрантов был связан со знаменитым Гарвардским проектом. Как уже говорилось, нахождение в послевоенной Германии огромной массы выходцев из Советского Союза впервые дало союзникам возможность получить сведения о положении в СССР из первых рук, проведя опрос не отдельных лиц, а целых групп людей самого различного социального и национального происхождения¹⁰. Проект получил свое обозначение от Центра русских исследований Гарвардского университета, проводившего анкетирование. Позднее аналогичные исследования проводились и в других местах. Так, в Колумбийском университете Нью-Йорка существовала конкурирующая «Исследовательская программа по Советскому Союзу».

Первоначальной целью американцев было оценить реакцию советских людей на вероятную бомбардировку территории СССР с воздуха. Из-за этого главным грантодателем выступали военно-воздушные силы США. Среди прочего американская сторона стремилась понять советскую систему и ее внутреннюю логику, чтобы выстроить вероятную стратегию действий противника. Задача Гарварда заключалась в переводе требования военных в научную плоскость. Затем

⁹ Гардзіенка Н. С., Юрэвіч Л. Н. Рада БНР, 1947–1970. С. 26.

¹⁰ Подробнее см.: Козин Е. В. Гарвардский проект. М., 2003.

исследования были расширены: респондентам на гонорарной основе предлагалось написать текст по теме, которая относилась к советским реалиям и с которой они в свое время имели дело. Подобных мемуаров в итоге накопилось настолько много, что было решено институционализировать их анализ. Так в 1950 г. в Мюнхене появился Институт по научному изучению СССР.

Институт был, пожалуй, наиболее специфическим из организаций такого рода. По сути, он стал одной из лабораторий Гарвардского проекта, где изучение опыта эмигрантов второй волны велось на базе научного центра, ставшего местом притяжения интеллектуалов. Как следовало из устава, Институт представлял собой «свободную корпорацию», к которой мог присоединиться любой эмигрант, независимо от места жительства, имевший научную квалификацию и не связанный с компартией.

Как подсчитал российский историк Евгений Кодин, изначально из числа сотрудников Института 39 % были русскими, 35 % – украинцами, на все остальные нации совокупно приходилось 26 %¹¹. Очевидно, стремление расширить участие национальных организаций в работе Института способствовало его реорганизации в 1954 г. и созданию, среди прочего, белорусского отдела. Стоявший у истоков этого начинания Абрамчик, очевидно, рассчитывал таким образом укрепить позиции Рады БНР с учетом американских интересов и добился того, чтобы Рада занималась подбором сотрудников для нового подразделения¹². При содействии Абрамчика постоянными сотрудниками Института стали Алесь Маргович (от белорусской радиослужбы), выпускник Лёвенского университета Павел Урбан (исследовал культуру и историю Белоруссии) и бывший управделами правительства БССР Семен Кандыбович (под псевдонимом «Кабыш» занимался национальным вопросом, в том числе в белорусском разрезе)¹³.

Работу белорусских специалистов курировал Антон Адамович (1909–1998). Выходец из плеяды молодых белорусских литераторов 1920-х гг., он был дважды репрессирован и после оккупации Белоруссии немцами перешел на их сторону. В годы войны Адамович занимался организацией белорусской печати и был референтом по делам прессы

11 Кодин Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск, 2016. С. 61.

12 Гардзіенка Н. С., Юрэвіч Л. Н. Рада БНР, 1947–1970. С. 71.

13 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 10160. Оп. 1. Д. 316. Л. 8, 10.

и пропаганды при генеральном комиссаре. Обосновавшись в Мюнхене, Адамович стал одним из главных действующих лиц белорусской части Института. В течение 1950-х гг. здесь одна за другой были опубликованы четыре его монографии – как под настоящим именем, так и под псевдонимом «Н. Недасек»: «Большевизм на путях установления контроля над Белоруссией» (1954), «Якуб Колас в сопротивлении советизации» (1955, на белорусском языке), «Большевизм в революционном движении в Белоруссии» (1956), «Оппозиция советизации в белорусской литературе 1917–1957» (1958, на английском языке).

По мнению Е. Кодина, исследования Адамовича являются ярким примером «национализации». Если в публикации 1954 г. Адамович указывал, что большевизм пришел из «центра» как «очередная попытка подчинить Белоруссию» и для его утверждения не было условий, то через два года, в 1956 г., писал о том, что социал-демократия пришла напрямую с Запада, и в Белоруссии уже существовали ее реципиенты¹⁴. Впрочем, следует отметить, что на самом деле противоречия здесь не наблюдается. В политическом дискурсе выходцев из «молодых» стран Восточной Европы еще во времена Парижской мирной конференции 1919 г. соседствовали тезисы о «врожденном демократизме» и «сопротивлении тирании». Извилистые пути национального развития чаще всего сводились к инокультурному порабощению, преодоленному за счет созидательных сил и восприятия «правильных» цивилизационных императивов. В этом отношении оба тезиса Адамовича были одновременно отражением национального нарратива и следствием временного отхода от руссоцентричного характера Института.

Возглавил белорусский отдел Станислав Станкевич (1907–1980)¹⁵, человек с богатой и противоречивой биографией. Он был выходцем из известной белорусской семьи, которая дала других, не менее известных деятелей белорусского движения – языковеда Яна и ксендза Адама Станкевичей. Литературовед по образованию, Станислав Станкевич был университетским преподавателем, а во время оккупации Белоруссии стал бургомистром Борисова. С его именем, в частности, связывают уничтожение узников Борисовского гетто в октябре 1941 г.

¹⁴ Кодин Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг. С. 192–193.

¹⁵ Об организации отдела и роли в этом Станкевича подробнее см.: Гарозіенка Н. Да гісторыі беларусаў у Мюнхэнскім інстытуце вывучэння СССР // Запісы Беларускага інстытута навукі і мастацтва. 2011. Т. 34. С. 425–435.

В советской печати Станкевич фигурировал как один из главных военных преступников из числа белорусских националистов¹⁶. Изначально выступавший на стороне Островского, в эмиграции Станкевич стал сторонником Рады БНР и занял важный пост редактора «Отчизны» – крупнейшей газеты белорусской эмиграции. Кроме того, Станкевич в октябре 1955 г. вместе со своими сотрудниками основал в Мюнхене филиал Белорусского института науки и искусства – центральной общественно-культурной организации белорусов США¹⁷, занимавшейся сохранением и изучением национального наследия.

Немногочисленность и относительная сплоченность белорусских активистов, несмотря на возрастные различия, выделяла их на фоне разномастных русских и украинских организаций, где поколенческий разрыв и политические предпочтения играли куда большую роль. Интенсивные связи между ФРГ и США в рамках Гарвардского проекта и деятельности Рады БНР способствовали тому, что на некоторое время белорусы заняли в мюнхенском Институте ведущее положение. Адамович и Станкевич стали действительными членами Института. Звание членов-корреспондентов получили литературовед Владимир Седуро (профессор американского университета) и о. Чеслав Сипович (руководитель грекокатолической миссии для белорусов Великобритании)¹⁸. Помимо этого, Станкевич вошел в состав Ученого совета Института, вскоре став его секретарем, а затем и председателем¹⁹.

Период 1955–1960 гг. стал, вероятно, наиболее значимым и плодотворным для белорусской науки в эмиграции, не в последнюю очередь в организационном плане. Главным вопросом, на который оказывал прямое влияние Станкевич, был вопрос распределения исследовательских стипендий. Подготовка экспертного заключения на гонорарной основе традиционно являлась самой желанной формой заработка для эмигрантов. Некоторые из них (как, например, Кандыбович), работая на Гарвардский проект, умудрялись под другим псевдонимом получать деньги от конкурирующей программы Колумбийского университета²⁰. Стипендиальный фонд, выделяемый американской

¹⁶ Саульченко В. М. Идеологические диверсии империализма. Минск, 1976. С. 146.

¹⁷ Панькоў М. Хроніка беларускага жыцця на чужыне (1945–1984). Мінск, 2001. С. 103.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 10160. Оп. 1. Д. 316. Л. 16–17.

¹⁹ Там же. Л. 34–37.

²⁰ *Krushinsky S.* Byelorussian communism and nationalism: personal recollection. New York, 1953.

стороной, был довольно крупным – в частности, в 1956 г. он составил 35 тыс. долларов²¹ (примерно 0,5 млн долларов по современному курсу). Для США и Канады выплаты составляли 200 долларов, для других стран Америки и Австралии – 150 долларов, для Европы – 100 долларов в месяц. Первый раз стипендия давалась на три месяца, в дальнейшем, если кандидат хорошо себя зарекомендует, она полагалась на более долгий срок, но не более года²².

Как показывают документы, Станкевич неприкрыто благоволил своим землякам. Темы стипендий, выбранные белорусами, совершенно необязательно касались белорусской тематики и зачастую демонстрировали полный разнбой. К примеру, в 1954 г. были одобрены следующие стипендии:

- Лютич, «Сопrotивление советскому режиму населения Белоруссии»;
- Ян Станкевич, «Историография советской Белоруссии 1918–1953»;
- Яцевич, «Автомобили в СССР и их ремонт»;
- Николай Куликович, «Советская опера в сфере задач, поставленных перед ней партией и правительством»;
- Владимир Седуро, «Общий обзор достоевсковедения советского периода»;
- Михаил Удинович, «Производительность труда в сельском хозяйстве СССР»²³.

Иногда заявители меняли предпочтения на ходу. Так, Ипполит Паланевич (до войны работал в школе, был репрессирован, при немцах занимался организацией школ), намереваясь работать над темой «Школьное дело в плену большевистско-коммунистической доктрины», в итоге писал об истории Академии наук БССР. Вацлав Пануцевич (тоже школьный учитель, в годы оккупации работал в немецкой администрации в Барановичах) выбрал обширную проблематику – «Религиозные и национальные отношения в Белоруссии в прошлом и настоящем», однако в итоге ограничился изучением белорусского ткачества и его «уничтожения большевиками»²⁴. В 1957 г. Станкевич также стал председателем издательской коллегии. Примечательно, что при нем максимальные требования для белорусов заключались в корректуре рукописей²⁵,

21 Коди́н Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг. С. 76.

22 Гардзіенка Н. С., Юрэвіч Л. Н. Рада БНР, 1947–1970. С. 77.

23 ГА РФ. Ф. 10160. Оп. 1. Д. 52. Л. 3–5, 11.

24 Там же. Д. 51. Л. 2.

25 Там же. Д. 55. Л. 2, 6–7, 12, 23, 27.

тогда как в случае русских и украинских авторов куда чаще выносились вердикты «дополнить», «переработать», «отклонить»²⁶. Стоит ли говорить, что такое положение вещей ухудшило рабочий климат в Институте²⁷. По наблюдениям одного из очевидцев, ситуацию усугубляло то, что Станкевич «неделями» не появлялся на работе из-за пьянства, и стипендиаты были предоставлены сами себе²⁸. По словам Б. Яковлева (Троицкого), одного из основателей Института, расширение национального представительства привело лишь к скатыванию в «политиканство» и «академической деградации»²⁹.

Для белорусского отдела в Институте было учреждено отдельное периодическое издание – «Белорусский сборник». Первый его выпуск вышел из печати в мае 1955 г., а уже в декабре того же года обсуждалась рукопись второго выпуска³⁰. Всего было подготовлено 12 номеров – по три в 1955 и 1956 гг., по два – в 1957 и 1959 гг. и по одному – в 1958 и 1960 гг. Тематика сборников была очень широкой и касалась общества, религии, языка, образования, культуры и искусства, народного творчества, их использования советской властью и, что важнее, потенциала сопротивления. Количественный анализ публикаций показывает, что самая большая часть (около трети) была посвящена текущим советским общественным и культурным практикам, советской исторической политике, «фальсификации» белорусской истории и культуры со стороны советской власти, борьбе за национальное развитие. В меньшей степени (15%) были представлены статьи об экономике и ресурсах Белоруссии, по 10% занимали актуальные политические вопросы и исторические материалы. Иногда встречались утилитарные работы на тему природопользования и путей сообщения, при этом практически не была затронута военная проблематика. Отдельное место было отведено обзору советских изданий. Около 200 публикаций было подготовлено собственно белорусами, иногда в журнале печатались сотрудники других подразделений Института или приглашенные специалисты. Наиболее важные статьи переводились на английский, иногда также на немецкий язык.

За деятельностью белорусов в мюнхенском Институте следила и белорусская советская печать. Отношение к ним было

26 Там же. Л. 3, 4, 7, 15–16.

27 Козин Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг. С. 62–63.

28 В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. М., 1997. С. 351, 353.

29 Козин Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг. С. 62–63.

30 Панькоў М. Хроніка беларускага жыцця на чужыне (1945–1984). С. 100, 104.

презрительно-насмешливым и зачастую сопровождалось характерной политической руганью. Так, Ростислав Шлопак, функционер ЦК КПБ и преподаватель идеологических дисциплин в минских вузах, писал, что в Мюнхене обосновались «последыши белых эмигрантов и так называемые перемещенные лица, которые служили у гитлеровских оккупантов», и что они «не имеют ничего общего с Белоруссией и ее народом»³¹. Илларион Игнатенко, директор республиканского Истпарта, называл сотрудников Института «комедиантами из подворотни»³². В своих «фальсификаторских упражнениях», по мнению белорусских советских авторов, они «в грубой клеветнической форме» стремились «принизить достижения трудящихся республики в социалистическом и коммунистическом строительстве, создать искаженное представление об историческом пути Белорусской ССР и различных сторонах жизни ее народа»³³. Упоминается мюнхенский Институт и в фильме «Люди с черными душами» (1962) – достаточно редком для советской документалистики примере «разоблачения» белорусского национализма. В нем говорилось, что Институт «готовит справочники для шпионов и обосновывает необходимость новой войны», при том что к моменту выхода фильма белорусский отдел уже был расформирован, а большинство его сотрудников переехало в США.

Стоит отметить, что для самой советской политической публицистики, боровшейся с «буржуазными фальсификациями», было свойственно использование искаженных либо, как минимум, неточных сведений. Так, в упомянутом фильме вырванная из контекста цитата, приписанная Станиславу Станкевичу, приводится с ошибочной датой (1958 вместо 1956) и без указания публикации, автором которой был другой Станкевич – Ян. Минский журналист Евгений Шевчик не мог правильно передать имя руководителя белорусской радиослужбы Вадима Сурко (в эмиграции называл себя «Владимир Цвирко»): смешивая настоящую фамилию и псевдоним, автор получал гибрид «Свирко»³⁴. Историк Василий Саульченко допускает

31 Шлопак Р. Т. Современная буржуазная историческая литература о национальной политике в СССР (на примере Белоруссии) // Против буржуазной фальсификации истории советского общества. М., 1960. С. 299.

32 Игнаценка І. Камедыянты з мюнхенскай падваротні // Звезда. 06.06.1968. С. 2.

33 Марцуль Г. С. Торжество ленинской национальной политики и ее буржуазные фальсификаторы. Минск, 1975. С. 33, 82; Иванов Н. Л. Критика фальсификации истории социалистического строительства в БССР (1921–1937 гг.). Минск, 1980. С. 5.

34 Шевчик Е. В. Радиодиверсанты. Минск, 1980. С. 107–110.

характерную аберрацию, путая «бывшего агента фашистских разведывательных органов» с белорусским советским поэтом Кастусем Цвирко³⁵.

Наступивший 1960 г., как в свое время 1954 г., обозначил резкие перемены в работе Института. Это стало следствием комплекса разнообразных причин. Прежде всего, изменилась американская внешнеполитическая доктрина. Несмотря на наметившийся диалог, лидеры двух сверхдержав – руководитель СССР Никита Хрущев и президент США Дуайт Эйзенхауэр – не нашли взаимопонимания по ключевым вопросам разоружения и ограничения ядерных испытаний. Ситуацию обострил инцидент с самолетом-разведчиком, сбитым над советской территорией 1 мая 1960 г. С другой стороны, деятельность национальных движений переводилась из интеллектуальной в политическую плоскость. Еще в июле 1959 г. Конгресс США принял резолюцию о «порабощенных народах», находившихся под контролем «недемократических режимов», куда были отнесены и белорусы. Важность национальных подразделений информационно-пропагандистского фронта намного превосходила кабинетные занятия в мюнхенском Институте, тем более что материалы Гарвардского проекта были в значительной мере обработаны и превратились в исторический источник. Из-за урезания финансирования была прекращена печать не только белорусских, но и украинских и кавказских изданий, а также недавно основанного «Восточно-тюркского обозрения»³⁶. Сам белорусский отдел прекратил существование, а его сотрудники перебрались в США. До закрытия мюнхенского Института в 1972 г. доработал только Павел Урбан.

Как ни парадоксально, Абрамчик в конечном итоге оказался фактически отодвинут от тех инициатив, которым посвятил столько усилий. В этом отношении участие Островского в более крупной организации, какой была АБН, с точки зрения политического представительства оказалось более выигрышным. Уступив Абрамчику мнимое первенство внутри белорусского движения, Островский, преодолев череду кризисов внутри БЦР, сумел встроить ее в широкую повестку антикоммунистической деятельности. Примечательно, что Островский сумел сохранить за собой и ФРГ: там продолжали действовать его соратники, дублировавшие мюнхенские аналитические и информационные структуры, пусть и зачастую в одном лице. Данный подход – опора на пассионарных интеллектуалов-одиночек – характеризовал тактику

35 Саульченко В. М. Идеологические диверсии империализма. С. 145.

36 Klieber M. Institute publications (1951–1968). Munich, 1969. P. 3.

Островского в целом. Таким образом присутствие БЦР в Западной Германии сохранялось до начала 1990-х гг., то есть практически до самого конца существования этой организации.

Стоит сказать, что и Абрамчик запоздало попытался вписать Раду БНР в более широкий политический контекст, став одним из организаторов Лиги освобождения народов Советского Союза. Тем не менее в реальности это выливалось в его метания между русскими эмигрантами и «нерусскими» национальными движениями³⁷. Вероятно, поэтому в дальнейшем Рада БНР превратилась в отдельно стоящую и во многом самодовлеющую структуру. В целом же распри между белорусскими организациями различной направленности в ФРГ не способствовали единству эмиграции. Зародившиеся в начальный период Холодной войны противоречия были в дальнейшем перенесены и в другие эмигрантские центры – прежде всего в США.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Francis Skaryna Belarusian Library and Museum.

Белорусские оstarбайтеры. Т. 2. Минск: НАРБ, 1997. 472 с.

В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции / сост. В. С. Карпов. М.: Грааль, 1997. 376 с.

Вініцкі А. Матар'ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гадох. Менск: Тэхналогія, 1994. 231 с.

Гардзіенка А. Беларуская Цэнтральная Рада (БЦР): стварэнне, дзейнасць, заняпад, 1943–1995. Мінск: Кнігазбор, 2016. 647 с.

Гардзіенка Н. Да гісторыі беларусаў у Мюнхэнскім інстытуце вывучэння СССР // Запісы Беларускага інстытута навукі і мастацтва. 2011. Т. 34. С. 422–438.

Гардзіенка Н. С., Юрэвіч Л. Н. Рада БНР, 1947–1970: падзеі, дакументы, асобы. Мінск: Кнігазбор, 2013. 478 с.

Гжибовски Е. Взаимоотношения русской и белорусской антикоммунистической эмиграции на Западе в первое послевоенное десятилетие // *Echa Przeszłości*. 2014. Т. 15. S. 171–184.

³⁷ *Гжибовски Е.* Взаимоотношения русской и белорусской антикоммунистической эмиграции на Западе в первое послевоенное десятилетие // *Echa Przeszłości*. 2014. Т. 15. S. 171–184.

- Игнаценка І. Камедыянты з мюнхенскай падваротні // Звязда. 06.06.1968. С. 2.
- Иванов Н. Л. Критика фальсификации истории социалистического строительства в БССР (1921–1937 гг.). Минск: Наука и техника, 1980. 175 с.
- Кіпель В. Жыць і дзеіць: успаміны. Мінск: Зміцер Колас, 2015. 441 с.
- Кодин Е. В. Гарвардский проект. М.: РОССПЭН, 2003. 207 с.
- Кодин Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2016. 270 с.
- Марцуль Г. С. Торжество ленинской национальной политики и ее буржуазные фальсификаторы. Минск: Беларусь, 1975. 160 с.
- Панькоў М. Хроніка беларускага жыцця на чужыне (1945–1984). Мінск: б. и., 2001. 330 с.
- Саульченко В. М. Идеологические диверсии империализма. Минск: Беларусь, 1976. 175 с.
- Шевчик Е. В. Радиодиверсанты. Минск: Беларусь, 1980. 127 с.
- Шлопак Р. Т. Современная буржуазная историческая литература о национальной политике в СССР (на примере Белоруссии) // Против буржуазной фальсификации истории советского общества / отв. ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1960. С. 298–318.
- Klieber M. Institute publications (1951–1968). Munich: Institute for the study of the USSR, 1969. 160 p.
- Krushinsky S. Byelorussian communism and nationalism: personal recollection. New York: Research program on the USSR, 1953. 81 p.

References

- Belorusskie ostarbaitery*. Vol. 2. Minsk: NARB, 1997, 472 p.
- Gzhibovski, E. “Vzaimootnosheniia russkoi i belorusskoi antikomunisticheskoi emigratsii na Zapade v pervoe poslevoennoe desiatiletie.” *Echa Przeszłości*, 2014, vol. 15, pp. 171–184.
- Hardzijenka, A. *Belaruskaia Tsëntral'naia Rada (BTsR): stvarënnie, dzeinasts', zaniapad, 1943–1995*. Minsk: Knihazbor, 2016, 647 p.
- Hardzijenka, N. “Da historyi belarusau u Miunkhënskım instytutse vyvuchën'nia SSSR.” *Zapisy Belaruskaha instytuta navuki i mastatstva*, 2011, vol. 34, pp. 422–438.
- Hardzijenka, N. S., Iurevich, L. N. *Rada BNR, 1947–1970: padzei, dokumenty, asoby*. Minsk: Knihazbor, 2013. 478 p.
- Ihnatsenka, I. “Kamedyianty z miunkhenskai padvarotni.” *Zviazda*, 06.06.1968, p. 2.
- Ivanov, N. L. *Kritika fal'sifikatsii istorii sotsialisticheskogo stroitel'stva v BSSR (1921–1937 gg.)*. Minsk: Nauka i tekhnika, 1980, 175 p.
- Kipel', V. *Zhyts' i dzeits': usпаміны*. Minsk: Zmitser Kolas, 2015, 441 p.
- Klieber, M. *Institute publications (1951–1968)*. Munich: Institute for the study of the USSR, 1969, 160 p.

- Kodin, E. V. *Garvardskii proekt*. Moscow: ROSSPEN, 2003, 207 p.
- Kodin, E. V. *Miunkhenskii institut po izucheniiu SSSR, 1950–1972 gg.: evropeiskii tsentr sovetologii?* Smolensk: Izdatel'stvo SmolGU, 2016, 270 p.
- Krushinsky, S. *Byelorussian communism and nationalism: personal recollection*. New York: Research program on the USSR, 1953, 81 p.
- Marcul', G. S. *Torzhestvo leninskoi natsional'noi politiki i eio burzhuaznye fal'sifikatory*. Minsk: Belarus', 1975, 160 p.
- Pan'kou, M. *Khronika belaruskaha zhyts'tsia na chuzhyne (1945–1984)*. Minsk, 2001, 330 p.
- Saulchenko, V. M. *Ideologicheskie diversii imperializma*. Minsk: Belarus', 1976, 175 p.
- Shevchik, E. V. *Radiodiversanty*. Minsk: Belarus', 1980, 127 p.
- Shlopak, R. T. “Sovremennaia burzhuaznaia istoricheskaia literatura o natsional'noi politike v SSSR (na primere Belorussii).” *Protiv burzhuaznoi fal'sifikatsii istorii sovetskogo obshchestva*, ed. by M. V. Nechkina. Moscow: Nauka, 1960, pp. 298–318.
- Vinitski, A. *Matar'ialy da historyi belaruskai emigratsyi u Niamechhyne u 1939–1951 hadokh*. Minsk: Tekhnalohiia, 1994, 231 p.
- V poiskakh istiny. Puti i sud'by vtoroi emigratsii*, ed. by V. S. Karpov. Moscow: Graal', 1997, 376 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.08

I. I. Barinov

**Belarusian Political Emigration in West Germany
at the Dawn of the Cold War (1945–1960)**

Igor I. Barinov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Science

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: ingobarinov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Citation

Barinov I. I. Belarusian Political Emigration in West Germany at the Dawn of the Cold War (1945–1960) // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 178–193 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.08

Received: 29.07.2025.

Revised: 09.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

The article examines the activities of Belarusian political emigrants during the early Cold War — first in the Allied occupation zones and subsequently in West Germany. After World War II, a significant number of “displaced persons” of Belarusian origin remained in Germany. Two political forces competed for influence over them: the Belarusian Central Rada (BCR) and the Rada of the Belarusian People’s Republic (BNR). Their leaders, Radoslav Ostrovsky and Nikolai Abramchik, both sought to coordinate the entire Belarusian emigration in the West. During the war, activists from both organizations had collaborated with the Nazis to some extent; in the post-war environment, they sought to integrate themselves into the new anti-communist agenda. The results of this rivalry were ambivalent. On the one hand, the BNR Rada played a role in establishing the Belarusian division of the Institute for the Study of the USSR in Munich, though it later shifted toward a subordinate position relative to the United States. Meanwhile, the BCR leadership managed to place its activities within a broader context by joining the Anti-Bolshevik Bloc of Nations (ABN), while maintaining its political representation and independent structures in West Germany.

Keywords

Cold War, West Germany, displaced persons, Belarusian emigration.